

Воя
Хаби

В объятиях Хаби
"Научи меня
чувствовать"

18+

Зоя Нави

В объятиях Нави «научи меня чувствовать»

<https://litres.ru/73477907>

SelfPub; 2026

Аннотация

СТРОГО 18+.

Леля не искала приключений. Она просто хотела лечить людей, разговаривать с травами и просыпаться под крик петухов в своей маленькой деревне. Но судьба решила иначе. Таинственная болезнь погружает её односельчан в сон, из которого нет возврата. И чтобы спасти их, Леля переступает Грань туда, куда живым вход запрещён.

В Навь. В мир мёртвых.

Костомор Хранитель Закатных пределов, сын Кощея не чувствовал ничего тысячу лет. Ни боли, ни радости, ни желаний. Он коллекционировал сны умерших, но никогда не видел своих. Он изучал смерть, но не знал жизни. Он был пуст, как замёрзшее озеро, идеальный, красивый, мёртвый.

Для кого эта книга:

Для тех, кто хочет запретной любви той, от которой захватывает дух и подкашиваются колени.

Кто верит, что даже самое холодное сердце можно растопить.

Кто не боится откровенных сцен, но хочет видеть в них не просто текст, а историю чувств.

Готова ли ты шагнуть за Грань?

Содержание

Пролог: Песнь увядания	5
Часть первая: Рождение миров	
Часть вторая: Договор	8
Часть третья: Стражи и нарушители	10
Часть четвертая: Хранители Заката	12
Часть пятая: Нить судьбы	16
Часть шестая: Песнь увядания	19
Часть первая: ЯВЬ. Там, где пахнет жизнью	21
Глава 1. Дочь Лады	
Глава 2. Сонная хворь	36
Часть первая: Тревожный колокол	36
Часть вторая: Дед Захар	40
Часть третья: Вече	45
Часть четвертая: Прощание	50
Часть пятая: Грань	52
Часть шестая: В Нави	54
Глава 3. Хозяин Закатных пределов	56
Часть первая: Дорога через пустоту	56
Часть вторая: Врата из полированной кости	59
Часть третья: Трон из застывших снов	62
Часть четвертая: Ледяное спокойствие	65
Часть пятая: Прикосновение	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Зоя Нави

В объятиях Нави «научи меня чувствовать»

Пролог: Песнь увядания Часть первая: Рождение миров

В начале был только Голос.

Он не принадлежал никому и ничему – ни богам, ни людям, ни зверям. Он просто был – бесконечный, глубокий, как колодец, в котором еще не родилась вода. И Голос этот пел. Песнь его была подобна дыханию еще не рожденного мироздания – медленная, тягучая, полная ожидания.

Из этой песни родились двое.

Первая назвалась Явью. Она явилась из верхних нот, из тех, что стремятся ввысь, к свету, к теплу. Из тех, что заставляют кровь бежать быстрее, а сердце – биться в предвкушении. Явь была соткана из утренней росы и полуденного зноя, из крика новорожденного и последнего вздоха умирающего, из пота на коже любовников и слез на щеках вдов. Она пахла медом, прелой листвой, парным молоком и кровью – всем сразу и по отдельности. Явь была миром живых, миром, где

чувства обретали плоть, а плоть обретала чувства.

Вторая назвалась Навью. Она родилась из низких нот, из тех, что уходят вглубь, в землю, в забвение. Из тех, что останавливают время и превращают крик в эхо. Навь была соткана из лунного света на могильных плитах, из тишины склепов, из застывшей воды в самом темном омуте. Она пахла воском, старой бумагой, тленом и чем-то неуловимо сладким – тем особенным запахом, который появляется, когда осень окончательно побеждает лето. Навь была миром мертвых, миром, где память становится единственной плотью, а покой – единственным чувством.

Сестры долго смотрели друг на друга через пустоту, разделявшую их. Явь дрожала от переполнявшей ее жизни, ее пальцы подрагивали, губы шевелились в беззвучной молитве – она хотела говорить, любить, творить. Навь молчала, и молчание ее было тяжелым, как могильная плита, и глубоким, как колодец без дна.

– Ты слишком громкая, – сказала наконец Навь. Голос ее был подобен шелесту осенних листьев под первым снегом. – Твои крики достигнут моих пределов, и мертвые не найдут покоя.

– А ты слишком тихая, – ответила Явь. Голос ее звенел, как родник, пробившийся из-под земли. – Твое молчание заморозит живых, и они перестанут чувствовать.

И тогда между ними пролегла Грань.

Не стена, не река, не пропасть – нечто более тонкое и од-

новременно более прочное. Грань была подобна пленке на поверхности молока, когда оно остывает, – вроде бы и есть, а вроде бы и нет. Протяни руку – и провалишься, не заметив. Но если знаешь, что она есть, – никогда не переступишь.

Часть вторая: Договор

Боги, увидев творение свое, испугались. Не потому, что вышло плохо – вышло именно так, как они задумали. А потому, что поняли: сестры эти никогда не поладят. Явь будет вечно тянуться к Нави, пытаясь согреть ее своим теплом, и сгорит в этом пламени, ибо мертвое тепло не принимает. Навь будет вечно заглядывать в Явь, тоскуя по утраченным чувствам, и заморозит все живое своим дыханием.

И собрались тогда на совете старшие боги: Сварог, что кует судьбы, Велес, что ведает тайнами, и Макошь, что прядет нити. Долго они спорили, как уберечь миры друг от друга, пока не явилась самая мудрая из них – Лада, мать всех живущих, та, что вкладывает любовь в сердца, а жизнь в чрева.

– Разве можно отделить день от ночи? – спросила Лада.
– Разве можно сказать солнцу: не заходи за горизонт, не тревожь луну? Разве можно приказать луне: не свети, когда солнце устало?

– Что же ты предлагаешь? – нахмурился Сварог, и молнии сверкнули в его бороде.

– Я предлагаю договор, – ответила Лада. – Не стену между нами, а мост. Но мост, по которому нельзя пройти просто так. Мост со стражами.

И она соткала из своей собственной сути – из той ее части, что отвечала за переход от девичества к материнству, от

любви к утрате, от жизни к смерти – тончайшую нить. Нить эта была прозрачной, как утренний туман, и прочной, как сама судьба.

– Вот, – сказала Лада, протягивая нить сестрам и братьям. – Отныне и навеки: живые не смеют тревожить мертвых. Не потому, что мертвые злы, а потому что живые не вынесут правды, которую узнают по ту сторону. А мертвые не смеют питаться живыми душами. Не потому, что живые лучше, а потому что, вкусив однажды тепло жизни, мертвые никогда не насытятся и погубят и себя, и мир.

– Но как же те, кто умрет? – спросила Явь, и слезы заблестели на ее щеках. – Как же они попадут к сестре?

– Я сделаю так, – ответила Лада, – что в час смерти Грань становится прозрачной. Тонкой, как лепесток, мягкой, как материнские руки. И умирающий просто переступает через нее, даже не заметив. Для него это будет лишь сон – самый глубокий и сладкий сон в его жизни.

– А как же те, кто родится? – спросила Навь, и в голосе ее впервые прозвучало нечто похожее на печаль. – Откуда им взяться, если я заберу всех?

– Я сделаю так, – ответила Лада, – что в час зачатия Грань тоже становится прозрачной. И души, уставшие от покоя, могут вернуться, чтобы снова познать боль и радость жизни. Так был заключен Великий Договор.

Часть третья:

Стражи и нарушители

Но даже самый мудрый договор не может предусмотреть всего. Всегда находятся те, кому своего берега мало. Всегда находятся те, кому покой кажется скукой, а жизнь – мукой.

Первыми нарушителями стали люди.

Были среди них колдуны, что жаждали бессмертия любой ценой. Они научились призывать души умерших и пытаться их вопросами о будущем. Они закапывали на перекрестках мертвецов лицом вниз, чтобы те не нашли дорогу в Навь, а остались служить живым. Они пили кровь младенцев, надеясь продлить свою жизнь и отсрочить встречу с Гранью.

И тогда Грань, которая была прозрачной и мягкой, начала затвердевать. Там, где колдуны творили свои черные дела, она становилась похожей на лед – холодный, скользкий, непроходимый. Души умерших застревали в ней, не в силах уйти в покой, и становились призраками – ни живыми, ни мертвыми, вечно голодными, вечно злыми.

Вторыми нарушителями стали мертвые.

Были среди них те, кто слишком любил жизнь. Те, кто умер слишком рано – дети, не успевшие наиграться, матери, не дождавшиеся детей с войны, воины, павшие в первом бою. Они тосковали по теплу, по запаху свежего хлеба, по

прикосновению любящих рук. И некоторые из них научились прорываться обратно.

Они не питались душами – поначалу. Они просто хотели посмотреть. Понюхать. Потрогать. Но их прикосновение было холоднее самой холодной зимы. Там, где мертвый касался живого, цветы вяли, вода превращалась в лед, а люди заболели странной болезнью – они теряли желание жить. Не умирали, нет. Просто переставали чувствовать. Ели – и не чувствовали вкуса. Любили – и не чувствовали страсти. Жили – и не чувствовали радости.

Таких людей называли «спящими наяву».

И тогда Лада опечалилась. Она видела, как страдают ее дети, и не могла им помочь, ибо договор есть договор, и даже боги не смеют его нарушать. Но она сделала то, что могла: она начала посылать в мир Яви особых людей. Тех, кто чувствовал Грань. Тех, кто видел тоньше, слышал глубже, любил сильнее.

Зеленых ведьм и ведунов. Травниц и знахарей. Тех, в чьих жилах текла не только человеческая кровь, но и капля самой Лады.

Они не могли разрушить Грань. Они не могли вернуть мертвых в Навь силой. Но они могли лечить «спящих наяву» – возвращать им вкус жизни, по капле вливая в них свое тепло. Они чувствовали дыхание Нави и предупреждали живых об опасности. Они стояли на страже Грани, не давая ей исчезнуть совсем.

Часть четвертая: Хранители Заката

Но и в Нави были свои стражи.

Не все мертвые тосковали по жизни. Были среди них те, кто принял свой уход, кто нашел покой и не желал его терять. Были те, кто помнил Великий Договор и чтил его. И самым могущественным из них был род Кощеев – хранителей Нави, стражей Закатных пределов.

Первый Кощей, говорят, был не рожден, а вырезан из самой тьмы, что предшествовала мирозданию. Он не знал жизни, не помнил тепла, не чувствовал боли. Он был идеальным стражем – беспристрастным, вечным, неподкупным. Ему не нужны были живые души, ибо он сам не имел души.

Но у вечности есть одно свойство – она утомляет даже тех, у кого нет чувств.

Кощей Первый, прозванный Бессмертным, простоял на страже тысячу лет, и ничего не изменилось в его лице. Потом еще тысячу, и еще. Он видел, как рождаются и умирают империи. Он видел, как любовники шепчут друг другу клятвы, а потом умирают в один день, так и не нарушив их. Он видел, как матери оплакивают детей, а дети – матерей. И он ничего не чувствовал.

Ни зависти. Ни тоски. Ни любопытства.

А потом, на исходе десятой тысячи лет, случилось нечто странное. В Навь пришла женщина. Не умершая – живая. Она забрела случайно, преследуя раненого оленя, и не заметила, как переступила Грань. Она была прекрасна той особенной красотой, которая дается только жизнью, – румянец на щеках, блеск в глазах, дрожание ноздрей от быстрого бега.

Кощей смотрел на нее, и впервые за десять тысяч лет ему захотелось...

Он не знал, чего именно. Потрогать? Понюхать? Услышать, как бьется ее сердце?

Он шагнул к ней, и женщина закричала. Не от страха – от боли. Потому что его прикосновение обожгло ее холодом, и на коже остался след, похожий на ожог.

Кощей отшатнулся. Он не хотел причинять боль. Он просто хотел... хотел...

Он так и не понял, чего хотел. Женщина убежала, и он не стал ее преследовать. Но с того дня в нем поселилось нечто новое. Не чувство – нет, чувств у него по-прежнему не было. Но было знание: есть что-то, чего он лишен. Что-то важное, ради чего люди терпят боль, рожают детей, умирают на войне.

Он попытался понять это – и не смог. Он попытался почувствовать – и не вышло. И тогда он сделал то, что делают все, кто не может постичь что-то умом: он начал коллекционировать это. Собирать.

Последние вздохи умирающих он заключал в аметистовые

флаконы – и они хранили в себе предсмертную тоску или предсмертную радость, но сам Кощей не отличал одного от другого. Сны спящих он ловил в хрустальные шары – и шары светились разными цветами, но для Кощея это была просто игра света. Мгновения наивысшего наслаждения он пытался законсервировать в ледяных кристаллах – и кристаллы таяли, потому что наслаждение не терпит холода.

Прошли века. У Кощея родился сын.

Он назвал его Костомором – от слов «кость» и «мор», ибо сын был рожден от мертвой матери, которую Кощей... нет, не полюбил. Просто использовал. Ему хотелось создать существо, похожее на него, но способное чувствовать. Эксперимент не удался – Костомор вышел таким же холодным, как отец.

Но было одно отличие.

Костомор знал, что он чего-то лишен. И это знание не давало ему покоя. В отличие от отца, который давно смирился со своей природой и даже гордился ею, сын тосковал. Молча, глубоко, безнадежно. Он смотрел на живых, проходящих Грань, и видел в их глазах то, чего не было в его собственных, – отблеск жизни.

Он стал философом. Он размышлял о природе чувств, о том, зачем они нужны, если все равно ведут только к смерти. Он придумал тысячи теорий, объясняющих, почему живые так дорожат своей болью и радостью. Но ни одна теория не могла заменить ему самого главного – опыта.

Опыта прикосновения. Опыта объятия. Опыта поцелуя.

И когда в его владения случайно забрела девушка из Яви, живая, теплая, пахнувшая медом и полынью, Костомор понял: это шанс. Не просто увидеть жизнь со стороны. Не просто собрать ее в кристаллы и флаконы. А прикоснуться к ней. Впустить ее в себя.

Даже если это разрушит его самого.

Даже если это разрушит ее.

Часть пятая: Нить судьбы

А в это время в мире Яви, в небольшой деревне, затерянной между лесом и болотом, росла девочка с глазами цвета неба и волосами цвета спелой пшеницы.

Ее нашли в лесу.

Староста деревни, старый бездетный вдовец, пошел на рассвете проверить силки и услышал плач. Тоненький, жалобный, похожий на писк зайчонка. Он пошел на звук и нашел под старой березой сверток. В свертке лежала девочка – не новорожденная, уже месяцев шести, с пухлыми щеками и удивительно осмысленным взглядом. Она не плакала от голода или холода, она просто звала. Звала кого-то.

Рядом со свертком лежал цветок. Обычный полевой цветок, но не сорванный, а растущий прямо из земли – хотя староста мог поклясться, что еще вчера здесь была только трава. Цветок был ярко-синим, как глаза девочки, и от него исходило такое тепло, что старик согрел окоченевшие руки, просто подержав их над лепестками.

Староста забрал девочку. Назвал Лелей – в честь той самой богини, что приносит весну и любовь. И с первых же дней понял: ребенок не простой.

Там, где Леля ползала по траве, цветы распускались быстрее. Там, где она касалась больного животного, оно выздоравливало к утру. Там, где она смеялась, даже в пасмурный

день проглядывало солнце.

Люди в деревне сначала побаивались, потом привыкли, а потом и вовсе стали считать ее дочерью Лады, посланной защищать их от всех бед. Старухи приносили ей гостинцы и просили заговаривать зубы. Молодые девки шептали на ухо имена парней, чтобы Леля помогла приворожить. Мужики просили благословить скотину перед отелом.

Леля помогала всем. Она не знала, откуда у нее этот дар, и не особенно задумывалась об этом. Она просто чувствовала: это правильно. Помогать – правильно. Лечить – правильно. Любить – правильно.

Она чувствовала жизнь во всем. В том, как прорастает зерно, пробиваясь сквозь темноту к свету. В том, как бьется сердце в груди испуганной мыши. В том, как сок поднимается по стволу березы, чтобы напоить листья. Она слышала шепот растений и понимала язык животных. Серый волк, живший на окраине деревни, приходил к ней жаловаться на больную лапу, и Леля заговаривала боль, поглаживая его жесткую шерсть. Феникс, поселившийся на крыше старой кузницы, разрешал ей чистить свои огненные перья, и они не жгли ей руки.

Она была счастлива.

Она не знала, что за Гранью, в мире вечного холода и тишины, о ней уже тоскует тот, кто никогда не тосковал. Она не знала, что нити ее судьбы сплетаются с нитями того, кто не должен был иметь судьбы.

Она не знала, что совсем скоро ей придется сделать выбор: остаться в своем теплом мире или шагнуть в ледяную тьму, чтобы спасти тех, кого она любит.

Часть шестая: Песнь увядания

Говорят, что в те времена, когда Грань между мирами была еще тонкой, можно было услышать Песнь Увядания.

Она звучала на закате, когда солнце касалось горизонта и день начинал проигрывать ночи. Она звучала осенью, когда последние листья облетали с деревьев и земля готовилась к долгому сну. Она звучала в час смерти, когда душа покидала тело и делала первый шаг к Нави.

Песнь эта была печальной, но не страшной. В ней слышалась мудрость: все, что рождается, должно умереть. Все, что расцветает, должно увянуть. Все, что чувствует, должно однажды перестать чувствовать.

Но в ней слышалось и обещание: за смертью следует новое рождение. За увяданием – новый расцвет. За холодом – новое тепло.

Так было всегда. Так будет вечно.

Пока однажды равновесие не нарушилось.

Пока в мире Яви не появилась болезнь, которая не убивала, а замораживала. Которая не забирала жизнь, а превращала ее в подобие смерти. Которая делала людей «спящими наяву» – живыми телами с мертвыми душами.

И пока в мире Нави не появился тот, кто захотел чувствовать так сильно, что был готов разрушить ради этого все – включая самого себя.

Их встреча была predetermined задолго до их рождения. Нити, сплетенные Ладой, вели их друг к другу через тьму и свет, через жизнь и смерть, через невозможность и чудо.

Вопрос был только в одном: что окажется сильнее – холод Нави, убивающий все живое, или тепло Яви, согревающее даже мертвых?

И ответ на этот вопрос предстояло дать им двоим.

Часть первая: ЯВЪ. Там, где пахнет жизнью Глава 1. Дочь Лады

Утро в деревне Ключи всегда начиналось одинаково – с крика петухов, которые, несмотря на соседство с фениксом, продолжали добросовестно выполнять свою работу. Феникс, восседавший на коньке крыши старой кузницы, смотрел на них с высоты своего бессмертия с выражением снисходительного презрения. Его золотисто-огненные перья вспыхивали в первых лучах солнца, и казалось, что крыша объята пламенем – красивым, но не жгучим.

Леля спала на сеновале.

Не потому, что в доме старосты, ее приемного отца, не было места – была и горница с пуховой периной, и чистая постель, и даже сундук с приданым, который еще покойная жена старосты собирала для не родившейся дочери. Но каждую весну, как только сходил снег и земля начинала дышать паром, Лелю тянуло спать на сене. На свежем, душистом, еще хранящем запах луговых трав, скошенных в прошлом году.

Здесь, под крышей, где сквозь щели просачивался утренний свет и пахло пылью и сухостью, она чувствовала себя частью чего-то большого. Сено дышало во сне, как живое, и Леля слышала это дыхание каждой клеточкой своего тела.

Она открыла глаза за мгновение до того, как первый луч

солнца упал ей на лицо. Так было всегда – словно внутри нее жили крошечные солнечные часы, которые никогда не ошибались.

Утро ворвалось в щели между досками тонкими золотыми нитями. Леля потянулась, чувствуя, как хрустят суставы после ночи, проведенной на жестком сене, и как приятно ноет спина – признак того, что спала она хорошо и правильно. Сено зашуршало под ней, щекоча голые пятки, выбившиеся из-под одеяла.

Она не сразу поняла, что уже не одна.

– Ты храпишь, – раздался низкий голос прямо над ухом.

Леля вздрогнула и резко села, запутавшись в одеяле. В двух шагах от нее, на ворохе сена, развалился огромный серый волк. Его морда была уложена на лапы, а желтые глаза смотрели на нее с выражением, которое у человека называлось бы ехидством.

– Я не храплю! – возмутилась Леля, пытаясь одновременно натянуть одеяло на грудь и отряхнуть сено с волос.

– Еще как храпишь, – волк зевнул, продемонстрировав ряд внушительных клыков. – Тихонько так, по-щенячьи. Похрюкиваешь во сне.

– Убирайся, Серый, – беззлобно огрызнулась Леля, но в голосе ее звучала улыбка. – И давно ты тут?

– С полуночи. Думал, ты проснешься, когда луна взойдет, – нет, дрыхнешь. Думал, на рассвете проснешься, когда росы самая сила, – нет, дрыхнешь. Я уж начал беспокоиться,

не померла ли ты. Принюхался – вроде дышишь. И похрюкиваешь.

– Ты просто завидуешь, что я сплю на сене, а ты должен в лесу под кустом дрожать, – Леля наконец справилась с одеялом и села по-человечески, свесив ноги вниз.

– Я – дрожать? – волк приподнял верхнюю губу, обнажая клыки. Это могло бы выглядеть угрожающе, если бы Леля не знала его тысячу лет. – Я – Серый, князь волков этого леса, потомок тех, кто водил стаи еще при первых князьях человеческих. Я не дрожу. Я созерцаю.

– Созерцатель нашелся, – фыркнула Леля и спрыгнула с сеновала босиком прямо на земляной пол. – Лапы давай.

Серый неохотно поднялся, подошел и протянул переднюю лапу. Леля взяла ее в ладони, внимательно осматривая подушечку. Вчера волк пришел с жалобой на боль – наступил на что-то острое в лесу, и теперь хромал.

– Глупый ты, Серый, – проворчала она, разглядывая уже затянувшуюся ранку. – Зажило все. Я же тебе вчера заговаривала. Могла бы и не приходить, само бы зажило.

– А проведать тебя? – волк убрал лапу и облизнулся. – Думаешь, только ты заботишься? Я, может, тоже переживаю. В лесу вон что творится последнее время.

Леля насторожилась. Серый редко говорил о делах леса просто так.

– Что творится?

Волк помолчал, повел ухом, отгоняя муху, и нехотя отве-

тил:

– Звери болеют. Зайцы в спячку впадают средь бела дня. Лисы по кругу ходят, как сонные. Птицы с веток падают. Я думал, может, отравка какая, пришел к тебе проверить – может, ты траву какую не ту собирала? Но ты вроде не ходила никуда.

Леля нахмурилась. Она действительно не ходила в лес уже три дня – готовила мази для деревенских, разбирала прошлогодние запасы. Но если звери болеют...

– Какая болезнь? – спросила она, уже натягивая через голову холщовую рубаху. – Что с ними?

– Не знаю, – Серый зевнул, но в этом зеве Леля почувствовала тревогу. – Просто спят. И не просыпаются. Я одного зайца тронул – теплый, живой, а не шевелится. Дышит, а глаз не открывает. Я его перевернул – лежит, как мертвый. Страшно это, Леля.

– Страшно, – согласилась она, завязывая пояс. – Сегодня схожу, посмотрю.

– Одна не ходи, – волк встал и отряхнулся, поднимая облако сенной трухи. – Я с тобой пойду.

– Охранять меня будешь?

– Созерцать, – поправил волк и первым выскользнул в приоткрытую дверь сеновала.

За деревней, в березовой роще, бил родник. Вода в нем была такой холодной, что ломило зубы, и такой чистой, что сквозь толщу в два локтя можно было разглядеть каждый ка-

мешек на дне. Леля приходила сюда каждое утро – умываться.

Она скинула рубаху прямо на траве, оставшись в одной длинной холщовой сорочке, и подошла к воде. Роса на траве обожгла босые ступни холодом, и по телу пробежала дрожь – приятная, живая, заставляющая каждую клеточку проснуться окончательно.

Родник молчал, когда она подошла. Но Леля знала: он ждет.

Она присела на корточки на краю деревянного сруба, зачерпнула воду ладонями и поднесла к лицу. Запах – прохлада, глубина, легкая примесь глины и корней, уходящих далеко в землю. Она закрыла глаза и выдохнула, прежде чем плеснуть водой в лицо.

Холод обжег щеки, веки, губы. Леля вздохнула резко, судорожно, и рассмеялась – звонко, как девчонка, которой она, в сущности, еще и была, несмотря на свои двадцать четыре года и славу «дочери Лады».

Она умывалась долго и тщательно – смывала ночной сон с лица, смывала липкую дремоту с глаз, смывала все лишнее, что налипло за ночь. Вода стекала за ворот сорочки, и тонкая ткань прилипала к телу, обрисовывая грудь, живот, ключицы. Леля не обращала на это внимания – здесь, у родника, она была одна. Только она и вода, и деревья, и просыпающееся небо.

– Здравствуй, – шепнула она роднику, касаясь пальцами

поверхности воды.

Родник ответил легкой рябью. Взмахом благодарности. Он любил, когда к нему приходили, любил, когда его пили, любил, когда им умывались. Вода должна служить живым, иначе она застаивается и умирает.

Леля разобрала косу – толстую, цвета спелой пшеницы, тяжелую даже в мокром виде. Волосы упали на спину, закрывая мокрую сорочку, и сразу начали сохнуть – утреннее солнце уже поднялось над лесом и щедро сыпало теплом на все вокруг. Она перебирала пряди пальцами, распутывая узелки, и чувствовала, как солнечный свет вплетается в волосы, делая их еще светлее, еще золотистее.

Закончив с волосами, Леля развязала тесемки сорочки и спустила ее с плеч. Вода ждала. Она набрала в ладони пригоршню и полила себе на шею – ледяные струйки побежали по спине, по груди, по животу, оставляя на коже мурашки. Она выдохнула сквозь зубы, чувствуя, как тело отвечает на этот вызов – мышцы напряглись, соски затвердели, дыхание на мгновение остановилось, а потом вырвалось наружу облачком пара.

– Хорошо, – прошептала она, и родник согласно булькнул.

Она мылась не спеша, смакуя каждое прикосновение воды к телу. Ладони скользили по мокрой коже, смывая несуществующую грязь – ритуал был важнее гигиены. Смыть вчерашний день. Смыть чужие болезни, которые она забирала в себя, когда лечила. Смыть чужие слезы и чужую боль. Стать

чистой перед новым днем.

Солнце поднялось выше, осветив поляну. В его лучах капли воды на коже Лели вспыхивали, как алмазы, рассыпанные по матовой поверхности фарфора. Она запрокинула голову, подставляя лицо свету, и улыбнулась.

– Красивая ты, – раздалось с берега.

Леля вздрогнула и резко обернулась, прижимая к груди мокрую сорочку. На поваленной березе сидел парень – Лешка, кузнецов сын, кудрявый, румяный, с глазами-васильками и вечно глуповатой улыбкой. Сидел и смотрел на нее с таким откровенным восхищением, что Леля не знала – то ли рассердиться, то ли рассмеяться.

– Ты что здесь делаешь? – спросила она строго, хотя строгости в голосе не получилось – слишком хорошее было утро, слишком вкусно пахло водой и солнцем.

– За водой пришел, – Лешка мотнул головой в сторону пустого ведра, стоящего рядом. – А тут ты... Я тихонько сел, чтоб не спугнуть. Ты как русалка, ей-богу. Прямо как из воды выходишь.

– Так я не выхожу, а моюсь, – Леля натянула сорочку обратно, на мокрое тело она прилипла мгновенно, сделавшись почти прозрачной. – Отвернись, бесстыдник.

– А зачем? – Лешка не отворачивался, и глаза его блестели. – Все равно ж видно.

– Лешка!

– Ладно-ладно, – он все-таки отвернулся, но Леля видела,

как у него горят уши. — Ты это... выходи, что ли. Я отвернулся.

Леля быстро выбралась из воды, на ходу выжимая подол сорочки. Подошла к своей одежде, оставленной на траве, и ловко натянула рубаху прямо поверх мокрого белья — все равно к обеду высохнет.

— Можно, — разрешила она.

Лешка повернулся и снова уставился на нее. Теперь, когда она была одета, смотреть было вроде как можно, но взгляд его все равно скользил по мокрым пятнам на рубахе, по прилипшей ткани, по голым ногам ниже колен.

— Чего уставился? — беззлобно спросила Леля, заплетая косу. — Иди за водой.

— Ага, — он послушно встал, подошел к роднику, зачерпнул ведро, но уходить не спешил. — Лель, а пойдешь сегодня на игрища? Вечером у костра хороводы будут, парни с девушками гулять пойдут. Я бы тебя проводил.

Леля посмотрела на него. Хороший парень, добрый, работающий. Она знала, что нравится ему, знала, что мать его давно на нее заглядывается — какая невестка, сама Лада благословила, лучше и не найти. И Леля ничего против него не имела. Но когда она смотрела на Лешку, внутри у нее было тихо. Спокойно. Как в пруду без ветра.

Ни бабочек в животе. Ни дрожи в коленях. Ни того сладкого ужаса, о котором шептались девки, когда рассказывали про своих милых.

– Не знаю, Леш, – ответила она мягко. – Может, и приду. Если дела позволят.

– Какие дела? – он шагнул ближе, и Леля почувствовала запах – молодой, горячий, мужской. – Травы твои никуда не денутся. А молодость уйдет. Погулять надо, пока молодая.

– Я и так молодая, – улыбнулась Леля, завязывая пояс. – И травы мои никуда не денутся, это верно. Но они ждать могут, а люди, может, не могут. Вон старая Агафья вчера приходила, спина совсем не гнется. Отвар ей обещала к обеду принести.

– Вечно у тебя дела, – вздохнул Лешка, но без обиды, скорее с уважением. – Ладно, я зайду вечером, если надумаешь. А не надумаешь – так хоть увижу.

Он подхватил ведро и пошел в деревню, то и дело оглядываясь. Леля махнула ему рукой и направилась в другую сторону – к лесу, где ее ждали травы и, как оказалось, больные звери.

Ведьмин огород.

Огород у Лели был особенный.

Он располагался прямо за домом старосты, на солнечном пригорке, и занимал места не больше, чем обычный огород – сотки три. Но росло на нем такое, чего ни в одном другом огороде не сыщешь.

Вот куст, усыпанный мелкими синими ягодами. Если съесть горсть – сон будет крепким и сладким до самого утра. Если съесть две – приснится тот, кого любишь. Если съесть

три – уже не проснешься, пока ягоды сами не выйдут из тела, а это через три дня только. Леля строго-настрого запретила деревенским даже подходить к этому кусту, но каждый год находились любопытные.

А вот грядка с полынью – не простой, а серебристой, которая росла только здесь и больше нигде в округе. Полынь эту Леля собирала на убывающую луну, сушила в темноте и добавляла в мази от ломоты в костях. Помогало так, что старики из соседних деревень специально приходили за этой мазью, несли последние яйца и кур, лишь бы получить баночку.

Вот мята – но не та, что пахнет ментолом, а та, что пахнет медом и чем-то еще, неуловимым, похожим на запах дальней грозы. Ее Леля заваривала девкам, у которых месячные больно проходили.

А вот там, под старой яблоней, росло нечто, что Леля даже про себя называла просто – «оно». Грибница, опутавшая корни яблони, давала плоды, похожие на маленькие розовые ушки. Если приложить такое «ушко» к ране – рана затягивалась за ночь, не оставляя шрама.

Леля обходила свои владения, касаясь каждого листочка, каждого стебелька. Она не просто смотрела – она чувствовала. Вот этому кусту не хватает воды – кончики листьев чуть подвяли. Вот этот стебель грызет кто-то невидимый, крошечный, почти неощутимый – надо будет вечером заговорить от вредителей. А вот эта грядка счастлива – солнца

вдоволь, дождя в меру, земля рыхлая, дышит.

– Здравствуйте, мои хорошие, – шептала Леля, проводя пальцами по шершавым листьям шалфея. – Как вы тут без меня?

Шалфей вздрогнул, восторженно и выпустил в воздух облачко аромата – такой густой, что у Лели защемило в носу. «Хорошо, – говорил этот запах. – Все хорошо. Но скучали».

– Я тоже скучала, – Леля присела на корточки и запустила пальцы в землю под шалфеем. Земля была теплой, рассыпчатой, пахла червями и перегноем. Леля закрыла глаза и просто сидела так, чувствуя, как сила земли поднимается по рукам, разливается по телу, наполняет каждую клеточку.

Люди не понимали, почему она может сидеть вот так часами. Думали, молится. А она просто разговаривала. С землей. С корнями. С червями даже – они тоже живые, им тоже нужно внимание.

– Леля! – донеслось от калитки. – Леля, дочка!

Она открыла глаза и улыбнулась. Староста, ее приемный отец, стоял у плетня и махал ей рукой. Седой уже совсем, сгорбленный работой, но глаза все такие же молодые, веселые.

– Иду, тятя!

Она поднялась, отряхнула руки о подол и пошла к дому.

Дом старосты был самым большим в деревне – не потому, что он важничал, а потому, что надо было где-то собирать сход, хранить общие припасы, принимать гостей из города.

Большие сени, просторная горница, две комнаты для спанья, кухня с огромной печью, занимающей полдома.

Запах здесь стоял особенный – смесь старого дерева, печной золы, сухих трав, развешанных под потолком, и чего-то еще, неуловимого, что Леля называла про себя «запах дома». Она любила этот запах. Он был таким же родным, как руки отца, как его хрипловатый голос, как его привычка кряхтеть, садясь на лавку.

– Завтракать будешь? – спросил староста, когда она вошла.

– А что есть?

– Каша гречневая с маслом, молоко парное, хлеб вчерашний, – перечислил он. – И мед, если захочешь. Пчелы нынче знатно поработали.

– Буду, – Леля села за стол, и отец поставил перед ней миску, от которой валил пар. Она любила, когда он вот так заботится – словно она все еще маленькая девочка, которую надо кормить с ложечки.

– Во сне говорила сегодня, – сказал староста, садясь напротив и подпирая щеку рукой. – Все «не уходи» кому-то шептала. Кого это ты не пускала?

Леля поперхнулась кашей.

– Не помню, – ответила она честно. – Не помню, что снилось.

– А снилось, – староста хитро прищурился. – Щеки красные, дышала часто. Мужик снился, что ли?

– Тять!

– Ладно-ладно, молчу, – он поднял руки, сдаваясь. – Выросла дочка. Женихов пора присматривать. Вон Лешка кузнецов опять вокруг нашего дома круги нарезает. Хороший парень.

– Хороший, – согласилась Леля, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Только не мой.

Староста вздохнул, но ничего не сказал. Он давно понял, что дочь его не простая, что суженый ей нужен особенный. Такой, чтоб не боялся ее дара, не завидовал, не пытался запереть в четырех стенах. А где такого взять – непонятно.

– Ты это, – сказал он, меняя тему, – будь осторожна сегодня. Мужики на охоту ходили, говорят, в лесу что-то неладно. Звери спят прямо на ходу. Я такого отродясь не видел.

– Серый говорил уже, – кивнула Леля. – Я схожу, посмотрю.

– Одна?

– С Серым. Он не даст в обиду.

Староста хмыкнул, но спорить не стал. Волк хоть и зверь, а ума побольше, чем у иного человека. И Лелю любит по-своему.

– Смотри, дочка, – только и сказал он. – Чует мое сердце, не к добру это все.

У околицы.

После завтрака Леля собрала корзинку, накинула на плечи легкий плащ – в лесу всегда прохладнее, чем в деревне –

и направилась к околице. Серый ждал ее там, развалившись прямо посреди дороги, к великому неудовольствию кур, которые обходили его по большой дуге, тревожно кудахча.

– Долго ты, – проворчал он, поднимаясь. – Я уж думал, опять уснешь.

– Не уснула, как видишь, – Леля погладила его по загривку, и волк довольно зажмурился. – Веди.

Они вошли в лес, и Леля сразу почувствовала – что-то не так. Обычно лес встречал ее шумом – птицы перекликались, белки стрекотали, ветки шелестели. Сегодня было тихо. Так тихо, что Леля слышала, как бьется ее собственное сердце.

– Чуешь? – спросил Серый.

– Чую, – ответила она шепотом.

Первый заяц лежал под кустом. Леля подошла, тронула его рукой – теплый, живой, дышит ровно, но глаза закрыты, и никак не просыпается. Она попробовала позвать его по-особенному, как умела только она – тем внутренним голосом, которым разговаривала с растениями. Заяц не ответил.

– Как мертвый, – сказала Леля, и ей стало страшно. – Только не мертвый. Застывший.

Второй заяц, третий. Лиса под корнями старой сосны. Сова, упавшая с ветки. Леля шла по лесу, и сердце ее сжималось все сильнее.

– Это не болезнь, – сказала она наконец, остановившись. – Это магия. Чужая, холодная. Из-за Грани.

– Из Нави? – Серый оскалился, шерсть на его загривке

встала дыбом.

– Оттуда, – кивнула Леля. – Я чую. Пахнет смертью. Только не настоящей смертью, а какой-то... застывшей.

Она посмотрела вглубь леса, туда, где тени сгущались особенно сильно, и вдруг поняла: это только начало. Если болезнь пришла из Нави, то деревня в опасности. Люди начнут засыпать так же, как эти звери. И она не знает, как их разбудить.

– Надо возвращаться, – сказала она резко. – Надо предупредить.

Они побежали обратно, но на душе у Лели было тяжело. Она чувствовала: за ней следят. Оттуда, из-за Грани, кто-то смотрит на нее. Кто-то холодный, древний и очень, очень голодный.

Не по плоти – по чувствам.

По тому самому теплу, которое билось в ней ключом и которое она так щедро раздавала всем вокруг.

– Я не отдам, – прошептала Леля, сжимая кулаки. – Не отдам никому.

Но слова эти унес ветер, и никто их не услышал.

Кроме того, кто ждал за Гранью.

Глава 2. Сонная хворь

Часть первая: Тревожный колокол

Леля бежала к деревне так быстро, как только позволяли ноги. Серый неся рядом, огромными скачками обгоняя ее и снова возвращаясь, подгоняя, подбадривая коротким рыком. Лес мелькал перед глазами – зеленые пятна, коричневые стволы, всполохи солнечного света, пробивающегося сквозь листву. Леля споткнулась о корень, едва не упала, выровнялась и побежала дальше, чувствуя, как колотится сердце где-то в горле, как обжигает легкие каждый вдох.

Она не знала, что именно случится. Но знала точно: случится сегодня. Случится сейчас. Пока она бегала по лесу, разглядывая спящих зверей, беда уже вошла в деревню.

– Быстрее! – рывкнул Серый, и Леля прибавила шаг, хотя казалось, что быстрее уже невозможно.

Они вылетели из леса на поле, где паслась деревенская скотина. И Леля сразу поняла: опоздала.

Корова лежала на боку. Не паслась, не дремала на солнышке, как любят коровы в полуденный зной – лежала неподвижно, вытянув шею, и только бок мерно вздымался, выдавая дыхание. Рядом с ней стоял теленок и тыкался мордой в вымя, пытаясь сосать, но корова не реагировала.

– Мать честная, – выдохнула Леля и бросилась к корове.

Она упала на колени в траву, схватила корову за морду, заглянула в глаза – открытые, но пустые, как у рыбы на прилавке. Зрачок сузился на свету – значит, жива. Но взгляд... взгляд отсутствовал. Корова смотрела сквозь Лелю, сквозь поле, сквозь этот мир куда-то туда, где нет ничего.

– Не просыпается, – глухо сказал Серый, обнюхивая корову. – Я такого зайца видел. Такая же.

– Помоги поднять, – скомандовала Леля, хватая корову за рога.

Они вдвоем – девушка и волк – попытались перевернуть тяжеленую тушу. Корова даже не шелохнулась. Она просто лежала, безвольная, как мешок с костями, и дышала. Дышала ровно, спокойно, будто спала самым сладким сном в своей жизни.

– Не поднять, – выдохнул Серый, облизываясь. – Тяжелая. Надо людей звать.

– Людей... – Леля вскочила и посмотрела в сторону деревни. – Люди!

Она побежала дальше, оставив корову, оставив поле, влетела в деревню через задние огороды, перепрыгивая через грядки, распугивая кур, которые с кудяхтаньем разлетались в стороны.

И остановилась как вкопанная.

Посреди улицы лежала собака. Дворняга, которую все звали просто Мухтар, вечно голодная, вечно виляющая хво-

стом, вечно суетливая и шумная. Сейчас она лежала на боку, растопылив лапы, и спала. Леля подбежала, потрясла ее – никакой реакции. Жива, теплая, дышит – но не просыпается.

– Мухтар! – закричала Леля, тряся собаку за шкурку. – Мухтар, вставай!

Собака не шевелилась.

Леля подняла голову и посмотрела вдоль улицы. У колодца сидела баба Марфа. Сидела на скамейке, свесив руки, уронив голову на грудь. Леля подбежала к ней, схватила за плечи, встряхнула.

– Тетка Марфа! Тетка Марфа, очнитесь!

Баба Марфа медленно, очень медленно подняла голову. Глаза ее открылись – и Леля отшатнулась. В них было то же самое, что у коровы, что у собаки, что у зайцев в лесу. Пустота. Взгляд сквозь. И губы шевелятся, шепчут что-то неслышное.

– Тетка Марфа? – позвала Леля тихо, почти испуганно.

– Спит... – прошептала баба Марфа. – Все спят... И я сплю... А ты не спишь... Ты зачем не спишь, девка? Надо спать... Спать сладко... Спать долго... Ничего не чувствовать... Ничего не хотеть...

– Не надо спать! – Леля встряхнула ее сильнее. – Проснитесь!

Баба Марфа улыбнулась – страшной, пустой улыбкой – и закрыла глаза. Голова ее снова упала на грудь, и она задышала ровно и глубоко, как спящий младенец.

Леля отступила на шаг, потом еще на один. Руки ее дрожали. В груди разрастался холод – не тот, что приходит от страха, а другой, чужой, липкий. Тот самый, который она почувствовала в лесу. Магия Нави. Магия смерти. Только смерть эта была не настоящая – какая-то половинчатая, застывшая.

– Леля! – раздался крик откуда-то сбоку.

Она обернулась. По улице бежал Лешка, кузнецов сын, бледный, растрепанный, с выпученными от ужаса глазами.

– Леля! Там! Дед Захар! С ним что-то! Иди скорее!

Часть вторая: Дед Захар

Дед Захар жил на краю деревни, в маленькой избушке, заросшей по самую крышу полынью и крапивой. Он был самым старым человеком в Ключах – никто не знал точно, сколько ему лет. Говорили, что он помнил еще татарское нашествие, хотя это было, наверное, вранье – никто столько не живет.

Дед Захар был знахарем. Настоящим, не чета тем, кто просто травы собирает. Он умел заговаривать кровь так, что она останавливалась на расстоянии, умел вынимать из тела порчу, умел видеть будущее в воде. И он был учителем Лели.

Когда Леля была маленькой и только начинала понимать свой дар, именно дед Захар взял ее за руку и сказал: «Пойдем, девка, научу тебя тому, что сама не узнаешь. А не научу – так сама и пропадешь, и других погубишь». Он учил ее различать травы, чувствовать чужую боль, не бояться смерти. Он был для нее вторым отцом – суровым, ворчливым, но любящим той особенной любовью, которая у стариков бывает к тем, кто продолжит их дело.

И сейчас, когда Леля вбежала в его избу, сердце ее оборвалось и упало куда-то в пятки.

Дед Захар сидел за столом.

Он сидел прямо, как всегда сидел – спина прямая, руки на столе сложены, борода расчесана. Глаза его были открыты и

смотрели прямо перед собой. Смотрели на стену, где висели пучки сухих трав, на иконы в красном углу, на лампаду, которая горела ровным, немигающим огоньком.

– Деда, – позвала Леля шепотом, боясь подойти.

Дед Захар не ответил.

Она подошла ближе, обогнула стол, заглянула ему в лицо. Глаза – ясные, голубые, выцветшие от старости – смотрели сквозь нее. Зрачок реагировал на свет, сужался, когда она заслоняла окно. Значит, видит. Значит, чувствует. Но не откликается.

– Деда Захар, – позвала Леля громче, тронула его за плечо. – Деда, это я, Леля. Ты слышишь меня?

Старик медленно, очень медленно повернул голову. Шея хрустнула, как сухая ветка. Взгляд его остановился на Лелином лице, и вдруг – о чудо! – в глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание.

– Ле... Ля... – выдохнул он. Голос был тихий, хриплый, будто из глубокого колодца. – Леля... уходи...

– Куда уходи? – Леля схватила его за руки. Руки были холодные, как у мертвеца. – Деда, что с тобой?

– Зовут... – прошептал дед Захар. – Слышу... Зовут отсюда... Из-за Грани... Голос... Холодный... Красивый... Зовет...

– Кто зовет? – Леля прижала его ладони к своей груди, пытаясь согреть. – Деда, кто?

– Не знаю... Не вижу... Тень... Тень на троне... Костью

скрипит... Поздно мне... Старый я... Устал... А ты... ты молодая... Беги, Леля... Беги, пока не поздно...

– Никуда я не побегу! – Леля почувствовала, как глаза защищало от слез. – Я тебя вылечу! Я сильная! Меня Лада слышит! Я...

– Лада... – дед Захар улыбнулся – краешком губ, еле заметно. – Лада далеко... А он близко... Он уже здесь... Чувешь? Холодом пахнет... Мертвым холодом...

Леля замерла, прислушалась. И почувствовала. Тот самый липкий, чужой холод, который преследовал ее с леса. Сейчас он был особенно сильным, особенно близким. Казалось, еще чуть-чуть – и она увидит его источник, увидит того, кто насылает эту дремоту, эту половинчатую смерть.

– Деда, – сказала она твердо, – я сейчас сделаю отвар. Самый сильный, какой знаю. Ты выпьешь и проснешься. Слышишь? Ты проснешься!

Она вскочила, бросилась к печи, где у деда всегда висели пучки трав. Руки ее дрожали, когда она срывала сухие листья, бросала их в глиняный горшок, заливала водой. Она шептала слова, которые он же сам ее учил, – слова пробуждения, слова возвращения, слова жизни.

– Встань-проснись, от сна освободись, – шептала она, помешивая отвар. – Как солнце встает, как роса падет, как трава растет, так и ты, раб Божий Захарий, воспрянь, пробудись, к жизни возвратись.

Вода в горшке закипела, хотя огня под ним не было. За-

булькала, заклокотала, пошла паром. Леля зачерпнула ковшик, поднесла к губам, подула, остужая, и подошла к деду.

– Пей, деда, – сказала она, поднося ковшик к его губам.

Дед Захар открыл рот, сделал глоток. Потом еще один. Глаза его на мгновение прояснились, стали живыми, теплыми. Он посмотрел на Лелю – и улыбнулся. Настоящей улыбкой, которую Леля так любила.

– Умница... – прошептал он. – Вся в меня... Сильная... Только...

Он не договорил. Глаза его снова остекленели, голова дернулась и упала на грудь. Ковшик выпал из Лелиных рук, расплескав отвар по полу. Дед Захар задышал ровно и глубоко, как все остальные.

Спал.

– Нет, – выдохнула Леля. – Нет!

Она схватила его за плечи, затрясла, закричала:

– Не смей! Не смей спать! Ты слышишь меня?! Ты обещал меня всему научить! Ты не имеешь права! Не имеешь! Деда!!!

Она билась в истерике, трясла старика, но он был тяжелым и безвольным, как мешок с песком. Голова его моталась из стороны в сторону, руки болтались как плети, но он не просыпался.

– Леля! – Серый возник в дверях, запыхавшийся, с высушенным языком. – Леля, перестань! Не поможет!

– Уйди! – закричала Леля. – Не мешай!

– Леля! – волк подскочил к ней, схватил зубами за подол и дернул, оттаскивая от старика. – Остановись! Ты ему не поможешь! Чуешь? Это не твоя магия! Не твоя! Ты тут бессильна!

Леля замерла, уставилась на волка мокрыми, безумными глазами.

– Не моя? – переспросила она шепотом.

– Не твоя, – подтвердил Серый, отпуская подол. – Я чую. Это из Нави. Мертвое. Ты травами не вылечишь, приговорами не проймешь. Тут другое нужно.

– Что? – Леля вцепилась в его шерсть, притянула к себе. – Что другое, Серый? Говори!

– Откуда я знаю? – волк вывернулся, отошел на шаг, сел. – Я волк. Я чую, а не лечу. Но чую ясно: это не болезнь. Это магия. Целенаправленная. Кто-то там, за Гранью, тянет из нашего мира жизнь. Не всю, по чуть-чуть. Сон забирает. Покой забирает. Желание жить забирает.

– Зачем? – Леля все еще стояла на коленях, глядя на спящего деда.

– Не знаю. Может, питается? Может, коллекционирует? Может, просто баловаться хочет? – Серый зевнул, но Леля видела, что он напряжен до предела, шерсть на загривке стояла дыбом. – Я одно знаю: если это не остановить, вся деревня заснет. И лес заснет. И поля. И река, может быть. Все живое уснет и не проснется.

Часть третья: Вече

К вечеру спало уже полдеревни.

Люди засыпали прямо на ходу, прямо за работой. Кузнец уснул у горна, уронив голову на наковальню, и хорошо, что подмастерье успел выхватить из огня раскаленную полосу – сгорела бы деревня дотла. Трое баб уснули за стиркой на речке, их едва вытащили из воды, не то утонули бы. Дети засыпали в играх, прямо на улице, и матери разносили их по домам, плача и причитая.

Староста созвал вече.

Мужики собрались у его дома – кто на ногах держался, кто уже сидел на завалинке, борясь со сном. Бабы жались к заборам, прижимая к себе проснувшихся пока детей. В воздухе пахло страхом – тем особенным запахом, который Леля научилась различать еще в детстве: кислый, острый, липкий.

– Что делать будем? – спросил староста, когда все собрались. Голос его дрожал, хотя он крепился изо всех сил. – Люди мрут как мухи. Не мрут даже – спят. А это хуже смерти, потому что непонятно.

– Надо попа звать, – сказал кто-то из мужиков. – Пусть молебен служит. Может, Бог ответит.

– Какой поп? – огрызнулся другой. – До города два дня пути, пока он придет, мы все тут переспим.

– Может, ведьма наша виновата? – вдруг выкрикнула баба

из толпы. – Лелька! Она же с нечистойю знается! Вон волк у нее ручной, феникс этот огненный! Может, она нас и сглазила?

– Ты, Дарья, язык-то попридержи! – рявкнул староста. – Леля тебе внука выходила, когда он уже при смерти был! Забыла?

– А может, потому и выходила, чтоб теперь забрать? – не унималась баба. – Мало ли что у этих ведьм на уме!

– Замолчи! – Лешка выскочил вперед, сжав кулаки. – Не смей на Лелю говорить! Она спасает всех, а вы... вы как всегда! Чуть что – сразу ведьма!

– Леш, не надо, – Леля вышла из-за спин, где стояла до сих пор, не вмешиваясь. Она была бледная, с красными от слез глазами, но голос звучал ровно и твердо. – Пусть говорят. Я не обижаюсь.

– Видите, видите! – заверещала Дарья. – Не обижается она! Потому что правда!

– Дарья, если ты сейчас не замолчишь, я тебя лично в колодец спущу, – пообещал староста таким голосом, что баба мгновенно притихла. – Леля, дочка, скажи нам. Что это? Откуда? И как спастись?

Леля вышла в круг, оглядела собравшихся. Усталые, испуганные лица. Дети, прижимающиеся к матерям. Мужики, сжимающие топоры – будто топор может помочь против того, что пришло из-за Грани.

– Это из Нави, – сказала она громко, чтобы все слышали. –

Из мира мертвых. Кто-то там тянет из нас жизнь. Не убивает, а забирает по частям. Сначала сон, потом желание жить, потом... потом, наверное, и саму жизнь.

— Как же так? — ахнули в толпе. — Мы же ничего не делаем! Мы договор чтим! Мы на кладбище без нужды не ходим, родителей поминаем, за упокой молимся!

— Не знаю, — честно призналась Леля. — Может, не мы виноваты. Может, там что-то случилось. Грань истончилась. Или кто-то прорвался. Я не знаю. Но знаю, что это надо остановить.

— Как? — спросил староста.

Леля помолчала. Сердце ее колотилось где-то в горле, руки дрожали. Она знала, что сейчас скажет, и боялась этого. Но другого выхода не было.

— Мне нужно идти в Навь, — сказала она.

Толпа ахнула. Кто-то закрестился, кто-то запричитал, кто-то просто замер с открытым ртом.

— Ты с ума сошла, дочка, — староста побледнел так, что стал белее своей седой бороды. — Туда живые не ходят. Оттуда не возвращаются.

— Я вернусь, — Леля подошла к нему, взяла за руки. — Тятя, я вернусь. Я сильная. Меня Лада хранит. Я должна узнать, что там случилось, и остановить это. Иначе все умрут. Не сразу, но умрут. Заснут и не проснутся.

— Я с тобой пойду, — Лешка шагнул вперед. — Я не боюсь.

— А я боюсь, — Леля улыбнулась ему сквозь слезы. — И тебя

с собой не возьму. Ты живой, теплый, в Нави сразу замерзнешь и не проснешься. Мне одной надо.

– Почему одной? – раздался голос сзади. – А я?

Все обернулись. На заборе сидел феникс. Огненные перья его тускло мерцали в сумерках, глаза горели золотом.

– Ты? – удивилась Леля. – Ты же...

– Я птица вечная, – феникс склонил голову набок. – Я много раз горел и много раз возрождался. Я видел Навь. Я могу провести тебя через Грань. Если ты, конечно, не боишься лететь с огненной птицей.

– Не боюсь, – Леля улыбнулась уже искренне. – С тобой не страшно.

– А я? – Серый вылез из-под крыльца, где прятался от шумной толпы. – Я тоже пойду. Я в Нави еще не был. Интересно.

– Волки в Нави не живут, – заметил феникс.

– А я не жить, я посмотреть, – огрызнулся Серый. – И охранять. Леля одна не пойдет. Я с ней.

Леля посмотрела на своих необычных друзей – и вдруг почувствовала, как отпускает страх. Она не одна. У нее есть те, кто пойдет за ней хоть в Навь, хоть куда.

– Значит, решено, – сказала она, поворачиваясь к людям. – Я иду за Грань. А вы здесь... вы здесь держитесь. Пейте мои отвары, они хоть немного помогут. Не спите. Боритесь со сном. Ждите меня. Я вернусь.

– Леля... – староста обнял ее, прижал к себе крепко-креп-

ко. – Дочка... береги себя.

– Сберегу, тятя, – шепнула она в ответ. – Обязательно сберегу.

Часть четвертая: Прощание

Ночь опустилась на деревню быстро, как всегда бывает в конце лета. Леля сидела на крыльце своего дома, глядя на звезды. Серый лежал у ее ног, феникс устроился на перилах, сложив крылья.

– Когда пойдем? – спросил волк.

– На рассвете, – ответила Леля. – Грань тоныше всего на рассвете и на закате. Когда день встречается с ночью.

– Ты готова? – феникс повернул голову, сверкнув глазом.

– Нет, – честно сказала Леля. – Но другого выхода нет.

Она смотрела на звезды и думала о деде Захаре. О том, как он учил ее различать травы, как рассказывал про Навь, про мир мертвых, про то, что живым туда хода нет. И вот теперь она идет именно туда.

– Леля, – Серый ткнулся носом ей в ладонь. – Ты чего боишься? Того, что там увидишь?

– Я боюсь не увидеть, – Леля погладила его по голове. – Я боюсь увидеть то, от чего нельзя будет отвернуться. Деда Захар говорил, что в Нави все правда. Вся правда о нас, о наших душах, о том, что мы есть на самом деле. Без прикрас. Без вранья. Я боюсь, что там увижу себя настоящую.

– А кто ты настоящая? – спросил феникс.

Леля задумалась. Кто она? Дочь Лады, как говорят люди? Просто травница, как знает сама? Подкидыш, найденный в

лесу, как помнит с детства?

– Не знаю, – ответила она тихо. – Надеюсь, там узнаю.

Она еще долго сидела на крыльце, слушая ночные звуки. Где-то плакал ребенок – проснулся и звал мать. Где-то выла собака – та, что еще не заснула. Где-то скрипел колодезный журавль, хотя ветра не было. Жизнь продолжалась. Та, что осталась.

А на рассвете Леля встала, поцеловала спящего отца в лоб, погладила по голове, зашла в избу к деду Захару – он все так же сидел за столом, не просыпаясь – и пошла к лесу.

Феникс взлетел над головой, рассыпая искры. Серый бежал рядом, принюхиваясь.

– Туда? – спросил он, кивая на темную стену леса.

– Туда, – ответила Леля. – Где Грань.

И они вошли в лес, который уже начал засыпать.

Часть пятая: Грань

Они шли долго. Лес молчал – ни птиц, ни зверей, ни даже ветра в листве. Тишина была такой плотной, что Леля слышала, как бьется ее сердце, как кровь шумит в ушах, как Серый дышит, высунув язык.

– Близо, – сказал феникс, кружа над головой. – Я чую. Холодом тянет.

И действительно, Леля почувствовала. Воздух стал другим – плотнее, тяжелее. Дышать стало труднее, будто грудь сдавило невидимыми обручами. А потом деревья кончились.

Они стояли на краю поляны, но поляна эта была необычная. Трава на ней была серая, будто выцветшая. Деревья по краям стояли голые, хотя лето еще не кончилось. А в центре поляны висела... дымка. Прозрачная, чуть светящаяся, похожая на утренний туман, только плотнее.

– Грань, – выдохнула Леля.

Она подошла ближе. Туман колыбался, переливался, и сквозь него виднелось... что-то. Не лес, не поле, не небо. Что-то другое. Серое. Бескрайнее. Пустое.

– Там Навь? – спросила она.

– Там, – подтвердил феникс. – Ты готова?

Леля обернулась. Позади был лес – ее лес, родной, живой. Впереди – туман, за которым начиналось неизвестное.

– Готова, – сказала она, хотя голос дрогнул. – Идем.

Она шагнула в туман.

И мир исчез.

Часть шестая: В Нави

Первое, что почувствовала Леля, – холод. Не тот, что бывает зимой, когда щиплет щеки, и хочется закутаться в шубу. Другой холод – внутренний, проникающий в самую душу. Холод, от которого останавливается сердце и застывает кровь.

Она открыла глаза.

Вокруг было серо. Небо – серое, без солнца, без облаков, просто бесконечная серая муть. Земля под ногами – серая, похожая на пепел. Деревья – серые, без листьев, без коры, просто голые скелеты, тянущие ветки-кости к небу.

– Где мы? – прошептала Леля, и голос ее прозвучал глухо, будто из-под воды.

– В Нави, – ответил феникс. Огонь его перьев здесь, в этом сером мире, горел ярче, отбрасывая причудливые тени. – В мире мертвых.

– А где Серый?

Волк стоял рядом, но выглядел странно. Сквозь его шерсть просвечивали ребра, глаза горели зеленым, а из пасти шел пар.

– Я тут, – сказал он, и голос его тоже изменился – стал глубже, древнее. – Чую... много чего чую. Души. Память. Боль.

– Нам туда, – феникс махнул крылом в сторону горизонта,

где виднелись какие-то очертания. – Там Закатные пределы. Там живет тот, кто вам нужен.

– Кто? – спросила Леля.

– Хранитель. Сын Кощея. Тот, кто держит ключи от снов и смерти. Если кто и может остановить эту хворь, то только он.

– И он просто так согласится помочь? – усомнилась Леля.

Феникс посмотрел на нее долгим, странным взглядом.

– Не просто так, – сказал он. – Никто в Нави ничего не делает просто так. За все надо платить. Готова ли ты заплатить?

Леля посмотрела на серое небо, на мертвые деревья, на свои руки, которые здесь казались почти прозрачными. Вспомнила деда Захара, спящих людей, отца, который остался один.

– Готова, – сказала она твердо. – За любую цену.

– Тогда идем, – феникс взлетел. – И да хранит тебя Лада.

Потому что здесь, в Нави, ее власть кончается.

И они пошли через серую пустоту туда, где на горизонте уже угадывались очертания дворца – черного, высокого, сложенного из полированной кости и застывшего времени.

Глава 3. Хозяин Закатных пределов

Часть первая: Дорога через пустоту

Они шли долго. Сколько именно – Леля не могла определить. В этом мире не было солнца, которое отмечало бы ход времени, не было теней, которые удлинялись бы к вечеру. Было только серое небо, серая земля и бесконечная тишина, которую нарушали лишь их собственные шаги.

Серый бежал рядом, но Леля видела, как тяжело ему дается этот путь. Сквозь его шерсть все явственнее проступали очертания скелета – ребра, позвоночник, кости лап. Глаза горели зеленым огнем, а дыхание вырывалось из пасти облаками пара, хотя здесь, в Нави, было не холодно в привычном понимании – был просто холод, проникающий в самую суть, замораживающий не тело, а душу.

– Ты как? – спросила Леля, касаясь его загривка.

Шерсть под пальцами была жесткой и какой-то... мертвой. Неживой.

– Держись, – ответил волк, но голос его звучал глуше обычного. – Здесь плохо, Леля. Здесь не место живому. Я чувствую, как что-то тянет из меня силу. Как будто я таю.

– Терпи, – Леля сжала его шерсть в кулаке. – Мы скоро. Феникс сказал, уже близко.

Феникс летел впереди, и его огненные перья разгоняли серую мглу, оставляя за собой светящийся след. Здесь, в Нави, он выглядел иначе – больше, величественнее, и пламя его горело не оранжево-золотым, а холодным голубоватым светом, похожим на свет далеких звезд.

– Смотрите, – сказал он, останавливаясь и делая круг в воздухе. – Закатные пределы.

Леля подняла голову и замерла.

Впереди, насколько хватало глаз, простиралась равнина, усеянная чем-то, что издалика казалось камнями. Но когда они подошли ближе, Леля поняла: это не камни. Это были сны.

Они лежали повсюду – застывшие, прозрачные, как куски льда неправильной формы. В каждом из них что-то двигалось, мерцало, жило своей жизнью. В одном Леля увидела поле цветущих васильков и девушку, бегущую по нему босиком. В другом – битву, воинов, сталкивающихся мечами в вечном, никогда не завершающемся сражении. В третьем – любовников, замерших в объятиях, их губы почти соприкасались, но поцелуй никогда не завершился.

– Это сны людей? – спросила Леля шепотом, боясь нарушить эту застывшую красоту.

– Бывших людей, – поправил феникс. – Тех, кто умер. Их сны остаются здесь, в Закатных пределах. Они хранятся веч-

но. Иногда Хозяин смотрит их, пытаясь понять, что такое чувствовать.

– Хозяин?

– Костомор. Сын Кощея. Хранитель этого места.

Леля шла между застывшими снами, и сердце ее сжималось от странной, незнакомой тоски. Столько жизней, столько чувств, столько боли и радости – все застыло здесь, в этой серой пустоте, и никогда уже не станет живым.

– А есть среди них сны из моей деревни? – спросила она вдруг.

Феникс помолчал, потом ответил:

– Наверное. Те, кто уже умер. Но новые... новые сны сюда не попадают. Они застревают на Грани. Та болезнь, что пришла в вашу деревню – она не дает людям ни жить, ни умирать. Они спят, но сны их не уходят в Навь. Они так и остаются в телах, запертые, как в клетке. Это нарушает равновесие.

– Поэтому мы здесь, – кивнула Леля. – Чтобы восстановить равновесие.

Она посмотрела вперед. Там, где поле снов заканчивалось, начиналось нечто иное. Черное, высокое, устремленное в серое небо. Дворец из кости.

Часть вторая: Врата из полированной кости

Дворец Костомора был сложен из костей. Леля поняла это не сразу – сначала ей показалось, что это просто белый камень, отполированный до блеска. Но чем ближе она подходила, тем яснее видела: каждая колонна, каждая балка, каждый завиток резьбы были сделаны из костей. Разных. Человеческих и не очень, огромных и крошечных, гладких и шершавых.

У входа стояли стражи.

Они были безликими – вообще без лиц. Гладкие костяные пластины вместо лиц, пустота вместо глаз. В руках они держали мечи – тоже из кости, длинные, чуть светящиеся в полумраке.

– Кто идет? – спросил один из них. Голос у него был такой, будто ветер дует в пустую пещеру – никаких эмоций, никакой жизни.

– Я Леля, травница из деревни Ключи, – сказала Леля, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Я пришла к Хозяину Закатных пределов. Мне нужно говорить с ним.

– Хозяин не принимает живых, – ответил страж.

– Сегодня примет, – Леля сделала шаг вперед.

Страж вскинул меч, преграждая путь. Движение было

быстрым, почти неуловимым – и абсолютно безжизненным, как у хорошо сработанной машины.

– Хозяин не принимает живых, – повторил он тем же ровным голосом.

– Слышь, костяная башка, – Серый вышел вперед, оскандившись, – ты может, не понял? Мы по делу. По важному. У нас люди мрут. А точнее, не мрут, а спят. И нам нужно...

– Хозяин не принимает живых, – в третий раз повторил страж, и в голосе его не появилось ни капли раздражения или гнева. Просто констатация факта, как у камня, который падает вниз, потому что так велит закон тяготения.

– Да что ж ты... – начал Серый, но Леля положила руку ему на загривок, останавливая.

– Подожди, – сказала она тихо. – Здесь по-другому. Здесь сила не работает.

Она посмотрела на стража, на его пустое костяное лицо, на меч, замерший в воздухе, и вдруг поняла. Эти существа не чувствуют. Они просто выполняют приказ. Их нельзя уговорить, разжалобить, обмануть. Они как сама смерть – беспристрастны и неумолимы.

– Феникс, – позвала она. – Ты можешь...?

– Могу, – птица спланировала вниз и села прямо перед стражем, расправив крылья. Голубое пламя взметнулось вверх, осветив костяное лицо. – Я Огненная птица. Я была здесь раньше. Я знаю Хозяина. Проводи нас.

Страж замер, словно прислушиваясь к чему-то внутри се-

бя. Потом опустил меч.

– Хозяин ждет, – сказал он.

– Ждет? – удивилась Леля. – Откуда он знал?

– Хозяин знает многое, – ответил страж и отступил в сторону, открывая проход.

Врата бесшумно распахнулись внутрь, и Леля шагнула во дворец.

Часть третья: Трон из застывших снов

Внутри дворец оказался еще огромнее, чем снаружи. Высокие своды уходили в бесконечность, теряясь в серой мгле. Стены были покрыты резьбой – сложными узорами из костей, сплетающихся в причудливые картины. Леля различала сцены охоты, битв, любви, смерти – все застывшее, вечное, прекрасное и ужасное одновременно.

Они шли по бесконечному коридору, и шаги их гулко отдавались в тишине. Серый прижимался к Лелиной ноге, феникс летел низко над головой, рассыпая искры.

– Я чувствую его, – прошептал волк. – Он близко. Он холодный, Леля. Холоднее всего, что я когда-либо чувал.

– Я тоже чувствую, – ответила Леля. – У меня мурашки по коже.

Коридор кончился, и они вышли в огромный зал.

Зал был круглым, с куполообразным потолком, в центре которого зияла пустота – не дыра, а именно пустота, отсутствие чего бы то ни было, даже серого цвета. Стены зала были сложены из прозрачных блоков, в которых застыли сны – тысячи, десятки тысяч снов. Они мерцали, переливались, жили своей тайной жизнью, освещая зал мягким, призрачным светом.

А в центре зала, на возвышении из полированной кости, стоял трон.

Трон был сделан из снов. Леля не понимала, как это возможно, но видела: он переливался, менял очертания, тек, как вода, и в то же время оставался твердым, нерушимым. В нем мелькали лица, пейзажи, события – все сны, которые когда-либо видели люди, все в одном троне.

И на этом троне сидел Он.

Костомор.

Леля смотрела на него и забывала дышать.

Он был прекрасен той особенной красотой, которая не принадлежит миру живых. Бледный, как первый снег, с кожей, напоминающей фарфор – тонкий, почти прозрачный, с синеватыми прожилками вен на висках. Волосы его были белые – не седые, а именно белые, как свежесвыпавший снег или как береста, длинные, прямые, падающие на плечи и спину тяжелой волной.

Но главное были глаза.

Он поднял голову, и Леля встретила с ним взглядом.

Глаза Костомора были светлыми – такими светлыми, что почти бесцветными, с едва уловимым серо-голубым оттенком, как лед на глубоком озере. В них не было тепла, не было жизни, не было даже холода в привычном понимании – в них было отсутствие всего. Пустота. Бесконечная, древняя, мудрая пустота, которая видела рождение и смерть тысяч поколений и осталась равнодушной.

Но когда этот взгляд остановился на Лели, в пустоте мелькнуло что-то. Что-то быстрое, неуловимое – может быть, удивление? Или любопытство? Или просто игра света в ледяных глазах?

– Живая, – сказал Костомор.

Голос его был таким же, как глаза – холодным, глубоким, лишенным эмоций. Но в нем слышалось что-то еще – древняя усталость, бесконечная скука и... удивление? Да, определенно удивление.

– Живая, – повторил он, чуть склонив голову. – Как давно сюда не заходили живые. Я думал, люди забыли дорогу.

– Я не забыла, – Леля сделала шаг вперед, потом еще один. Сердце ее колотилось где-то в горле, но она заставила себя идти ровно, не показывая страха. – Я пришла требовать ответа.

– Требовать? – В бесцветных глазах мелькнуло что-то похожее на интерес. – Требовать ответа от Хозяина Закатных пределов? Ты смелая, живая. Или глупая. Я еще не решил.

– Я не глупая, – Леля остановилась в нескольких шагах от трона, задрав голову, чтобы видеть его лицо. – И не смелая. Просто мне терять нечего. Люди в моей деревне умирают. Не умирают даже – спят. Спят мертвым сном и не просыпаются. А ты... ты сидишь здесь, в своей костяной красивой тюрьме, и даже не знаешь, что твоя магия убивает невинных!

Часть четвертая:

Ледяное спокойствие

Костомор слушал ее молча. Ни один мускул не дрогнул на его лице, ни одна ресница не шелохнулась. Он сидел неподвижно, как статуя, и только глаза его слегка сузились, когда Леля закончила свою гневную речь.

– Твоя деревня, – повторил он задумчиво. – Люди спят. Ты думаешь, это я?

– А кто же? – Леля сжала кулаки. – Я чувствую твою магию. Холодную, липкую, чужую. Она везде – в лесу, в полях, в домах. Она тянет жизнь из людей. Она...

– Осечка, – перебил ее Костомор.

– Что?

– Осечка, – повторил он, и в голосе его впервые прозвучало что-то похожее на... досаду? Нет, слишком сильное чувство. Скорее легкое неудовольствие, как у человека, который обнаружил пятно на любимой одежде. – Я собирал угасающие души. Те, что готовы перейти Грань. Это моя работа. Я собираю их, чтобы они не застревали между мирами, не становились призраками. Обычно это происходит тихо, незаметно. Но в этот раз... – Он сделал паузу. – В этот раз Грань оказалась тоньше, чем я думал. Слишком много смертей за последнее время. Слишком много горя. Грань истончилась,

и часть моей магии выплеснулась в Явь.

– Выплеснулась? – Леля не верила своим ушам. – Ты хочешь сказать, что это просто... случайность?

– Именно, – Костомор чуть наклонил голову. – Мне нет дела до твоей деревни, живая. Мне нет дела до живых вообще. Вы приходите и уходите, как листья на ветру. Зачем мне тратить на вас время?

– Но люди спят! – Леля шагнула к трону, и Серый предостерегающе зарычал, но она не обратила внимания. – Они не просыпаются! Дед Захар, мой учитель, сидит за столом уже вторые сутки и не двигается! Дети на улицах засыпают! Животные! Все! А ты говоришь – случайность?!

– Говорю, – спокойно ответил Костомор. – И это правда. Мне нет резона врать тебе, живая. Я не человек, чтобы лгать. Я говорю то, что есть. То, что случилось – ошибка. Непреднамеренная. Но это ничего не меняет.

– Как ничего не меняет? – Леля растерялась. – Ты можешь это исправить!

– Могу, – согласился Костомор.

– Так исправь!

Он посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом. Потом медленно поднялся с трона.

И вот тут Леля поняла, насколько он огромен.

На троне он казался просто высоким, стройным, изящным. Но когда встал в полный рост, Леля увидела, что он возвышается над ней почти на две головы. Плечи его были

широки, но худ – та особенная худоба, которая бывает у людей, долго болевших, только Костомор не болел, он просто не был живым в привычном смысле. Одежда – длинный черный кафтан, расшитый серебряными нитями, с узорами из засушенных трав и костей птиц – делала его похожим на древнего царя из забытых легенд.

Он сделал шаг к Лели, и она почувствовала холод. Не физический – холод проникал внутрь, замораживал чувства, мысли, саму душу.

– Ты пахнешь жизнью, – сказал Костомор, останавливаясь в шаге от нее. – Так пахнут цветы весной, так пахнет молоко, так пахнут новорожденные. Я забыл этот запах. Тысячи лет я не чувствовал его так близко.

Он поднял руку и медленно, очень медленно протянул ее к Лелиному лицу. Леля замерла, не в силах пошевелиться – не от страха, а от какого-то странного оцепенения, которое навевал его взгляд.

Холодные пальцы коснулись ее щеки.

И мир взорвался.

Часть пятая: Прикосновение

Леля закричала.

Не от боли – от неожиданности. Там, где его пальцы касались ее кожи, она чувствовала... всё. Сразу. Свою жизнь, свои чувства, свои воспоминания – все это вдруг стало ярче, острее, реальнее. Она видела себя как будто со стороны – каждую клеточку своего тела, каждую мысль, каждое желание. И одновременно она чувствовала его – пустоту, холод, бесконечную тоску по тому, чего никогда не было.

– Что ты делаешь? – выдохнула она, пытаясь отстраниться, но не могла.

– Изучаю, – ответил Костомор. Голос его звучал отстраненно, как у ученого, рассматривающего бабочку под стеклом. – Ты так ярко чувствуешь. Тепло. Страх. Гнев. Любовь к тем спящим. Отчаяние. Это... интересно. Я не чувствую этого. Никогда не чувствовал.

Он убрал руку, и Леля покачнулась, едва не упав. Серый подхватил ее, подставив бок.

– Ты... – начала она, но слова застревали в горле.

– Я не чувствую, – повторил Костомор, глядя на свою руку так, будто видел ее впервые. – Я знаю, что такое тепло, теоретически. Знаю, что такое боль. Знаю, что такое радость. Но не чувствую. Для меня это просто слова. Пустые звуки. Ты для меня – как книга, написанная на языке, которого я

не понимаю. Я вижу буквы, но не слышу музыки.

– Это ужасно, – прошептала Леля.

– Возможно, – согласился Костомор. – Я не знаю. Я не могу сравнить. Я всегда был таким. Мой отец – такой же. Мы хранители Нави. Нам не нужны чувства. Они мешают. Они заставляют ошибаться. Они делают слабым.

– И поэтому ты не хочешь помочь моей деревне?

– Я не сказал, что не хочу, – Костомор вернулся к трону, но не сел, а встал рядом, опершись рукой о подлокотник. – Я сказал, что могу. Но зачем мне это?

– Затем, что люди страдают!

– Люди всегда страдают. Это их природа. Страдать, радоваться, любить, ненавидеть – и умирать. Я видел это миллионы раз. Почему твоя деревня должна быть исключением?

– Потому что... – Леля запнулась, не зная, что ответить. Потому что это мои люди? Потому что я их люблю? Потому что не могу смотреть, как они угасают? – Потому что это неправильно. Они не должны страдать из-за твоей ошибки.

– Ошибка, – задумчиво повторил Костомор. – Ты права. Это моя ошибка. Но ошибка – не преступление. Я не обязан ее исправлять. В Нави другие законы.

– А какие у вас законы? – зло спросила Леля. – Ничего не чувствовать, никому не помогать, сидеть в своем костяном дворце и смотреть на чужие сны?

– Примерно так, – Костомор чуть наклонил голову, и в бесцветных глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку. –

Ты быстро учишься, живая.

– Леля, – сказала она. – Меня зовут Леля.

– Леля, – повторил он, и в том, как он произнес ее имя – медленно, смакуя каждый звук – было что-то странное, почти интимное. – Красивое имя. Весеннее. Подходит тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.